

клиниции. Возможное объяснение воспроизведения сбоя деклинации в одних и тех же местах текстов при произнесении их разными дикторами или в отличающихся условиях (произнесение по отдельным предложениям и всего текста целиком) – своеобразный ресеттинг деклинации, вызываемый семантическим строением текста.

Более короткие тексты (из семи предложений). Как и в предыдущем случае, номера предложений и текстов приводятся в соответствии с их местом в большом экспериментальном тексте и порядком следования реализаций этого текста. В трех текстах из пяти (Т-1, Т-3, Т-4) соответствие правилу деклинации по показателю максимального значения ЧОТ наблюдается в предложениях с первого по третье. Далее имеются расхождения между текстами, чаще всего новый сбой наблюдается между шестым и седьмым предложениями, а в тексте Т-3 – и перед шестым. В тексте Т-2 правило деклинации соблюдается с первого по пятое предложения, в тексте Т-5 – с первого по четвертое и далее с пятого по седьмое предложения. Соответствие правилу деклинации по двум разным критериям – по максимальному и по среднему значению ЧОТ – в основном совпадает, но в ряде случаев наблюдается разницей в последних предложениях текстов (с пятого по седьмое).

Более продолжительные тексты, состоящие из десяти предложений. В них наблюдается устойчивое совпадение мест нарушения правила деклинации от текста к тексту. Столь же устойчивы места переключения деклинации в зависимости от критерия, т.е. по максимальным и средним значениям ЧОТ. Упрощенно можно отразить следующий алгоритм переключения (ресеттинга) деклинации внутри текстов. По критерию максимальных значений ЧОТ: предложения 15-18, 19-20, 21-22, 23-24. В качестве вариантов в отдельных текстах наблюдалось следование 15-17 и 18 предложений отдельно, а также правило деклинации нарушалось между 23 и 24 предложениями. По критерию среднего значения ЧОТ алгоритм имел следующий вид: 15-16, 17-19, 20-21/22 и 22/23-24, или 23 и 24 по отдельности. Столь устойчивая повторяемость мест сбоев правила деклинации снова наводит на мысль о том, что именно се-

мантическая структура текста может объяснить причины ресеттинга деклинации в данных конкретных местах текста. Менее убедительным объяснением может быть чисто темпоральная причина: ресеттинг происходит через равновеликие промежутки времени для обеспечения устойчивого восприятия речи.

Таким образом:

1. Результаты проведенного анализа свидетельствуют о соблюдении правила деклинации внутри предложений. Почти все случаи нарушений этого правила имеют четкое и однозначное объяснение, условия, в которых происходят сбой, повторяются из текста в текст.

2. На уровне текста нарушения правила деклинации происходят по определенному алгоритму, объяснить который невозможно исходя только из фонетических причин – таких как наличие или отсутствие паузы или подъема тона в предшествующей синтагме. Вероятно, такой алгоритм обусловлен семантическими причинами, хотя не исключается и его темпоральное объяснение.

1. Вольская Н.Б. Деклинация: к проблеме моделирования интонации для синтеза речи // Вестник СПбГУ. – 2001. – Сер. 2. – Вып. 2 (№ 4).

2. Вольская Н.Б., Степанова С.Б. О некоторых проблемах синтаксического членения спонтанного текста. Материалы 34-й международной филологической конференции. Вып. 10. Секция фонетики. Ч. 1. – СПб.: Изд-во филол. факультета СПбГУ, 2005.

3. Киселев В.В. Различия в характере деклинации в искусственном и естественном тексте // Вестник АМГУ. – Благовещенск, 2006. – Вып. 34.

4. Bolinger D. Intonation across languages // Universals of human language. – Stanford University Press, 1978.

5. Intonation systems: a survey of twenty languages. – Cambridge, 1998.

6. Kohler K. Prosody in speech synthesis: the interplay between basic research and TTS application // J. Phonetics. – 1991. – Vol. 19. – P. 123.

7. Ladd D.R. Declination «reset» and the hierarchical organization of utterances // J. Acoust. Soc. America. – 1988. – V. 84. – № 2.

8. Lieberman P. Intonation, perception and language. – Cambridge: Mass., 1967.

9. Pierrehumbert J. The perception of F0 declination // J. Acoust. Soc. America. – 1979. – V. 66. – № 2.

М.В. Миронова

ЭТНОСПЕЦИФИЧНОСТЬ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУР

The article aims to illustrate national peculiarities of color words in English and Chinese cultures.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира, создает для тех, кто на нем разговаривает – носителей языка – особую картину мира. Большая часть информации о мире приходит к человеку через слово, и мир предстает перед ним сквозь призму национального языка. Язык особым образом интерпретирует реальность. Каждый язык рисует особую картину мира, обуславливая способ мышления народа и способ организации мира в понятия, т.е. наше миропонимание. Выражаемые в языке значения складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, общую для всех носителей одного языка [1, с. 90].

Каждый тип культуры вырабатывает свой символический язык и описывает на этом языке свой образ мира. Слово-символ – это своего рода «банк данных», который можно представить себе в виде спирали. Символы раскручиваются в человеческом сознании, вызывая цепь ассоциаций. Символы характерны для любой культуры. И хотя один и тот же символ может иметь разный смысл, в любом случае он передает культурную информацию [2, с. 15].

Символами могут являться и обозначения цвета.

Первоначально мир познается органами чувств, он предстает цветным, а не черно-белым. Оценки, нормы, установки человека в значительной степени связаны с цветом. По словам Яна Парандовского, «в каждой душе мир преломляется в тысячецветных радугах чудесного блеска» [3, с. 34].

Цвет – не универсальное человеческое понятие. Оно, конечно, может возникнуть в человеческом обществе, как, скажем, «телевидение», «компьютер», «деньги», но даже несмотря на постоянное увеличение контактов между человеческими сообществами, среди них есть такие, в которых нет ни заимствованного, ни собственного понятия «цвета» (и, безусловно, таких сообществ было еще больше в прошлом).

Не универсальны и названия «цвета». Именно цветообозначения составляют загадочную группу слов, значения которых постоянно меняются – от человека к человеку, от языка к языку, от одной эпохи к другой. Даже при согласии по поводу названия цвета определенного объекта люди могут расходиться в обобщенных представлениях этого цвета: два человека назовут один и тот же зонтик красным, однако их внутренние эталоны красного могут при этом не совпадать [4, с. 245]. Особенно справедливым последнее утверждение может оказаться в отношении носителей двух разных языков. Какую бы психофизиологическую основу ни имел цветовой язык, на него неизбежно наслаиваются традиции и обычаи народа. Вместе с тем связь цветообозначений с определенными культурно-закрепленными эмоциональными состояниями и си-

туациями позволяет рассматривать цветообозначения как своеобразные «концепты мировидения».

Несмотря на косвенные связи с человеческой нейрофизиологией, значения названий цветов (как и значения названий эмоций) представляют собой артефакты культуры. Сами зрительные категории (зеленый, синий и т.д.) могут успешно определяться тем, что обусловлено нейрофизиологически, но «ассоциации» обусловлены понятиями, потому что именно понятия, а не ощущения, потенциально воспринимаемы и поддаются передаче другим людям.

Поскольку воспринимаемые ощущения могут концептуализироваться различными способами, в разных языках воплощены различные цветовые концепты. Например, «blue» значит не то же самое, что «голубой», а «green» – не то же самое, что «зеленый». Но фокусы у этих разных семантических категорий могут быть относительно стабильны по языкам и культурам не только потому, что наши психические реакции совпадают, а и потому, что фундаментальные концептуальные модели, которые основаны на общем человеческом опыте, у нас одни [5, с. 52-53].

Широко известно, что прилагательные цветообозначения в культурно-историческом контексте приобретают определенные ассоциативные значения, которые в то же время являются национально-специфичными. Подтверждением могут служить следующие примеры.

Для английского языка вообще характерно традиционное соотношение черного цвета с чем-то плохим, а белого – с хорошим, причем под влиянием американского варианта английского языка оно получило в британском дополнительную актуализацию. Поэтому составные номинативные группы с прилагательным **black** имеют негативные коннотации, а прилагательное **white**, как правило, входит в номинативные группы, имеющие положительные оттенки значения. **Black sheep** [черная овца], **black market** [черный рынок], **blackmail** [шантаж (букв. – черная почта)], **Black Gehenna** [черная геенна], **black soul** [черная душа] – во всех этих случаях **black** ассоциируется со злом; к тому же это цвет траура, цвет смерти: **black dress** [черное платье], **black armband** [черная нарукавная повязка]. Напротив, **white** – цвет мира (**white dove** – белый голубь, символ мира), цвет всего хорошего и чистого [6, с. 186-189].

Например, в США и Великобритании традиционным цветом платья для невесты является **белый** (**virginal white**), символизирующий невинность. Все остальные цвета считаются несчастливными. **Зеленый**, к примеру, – истинно колдовской цвет и тот, кто будет его носить, может с легкостью попасть под власть эльфов. Не стоит также надевать на свадьбу платье **желтого**, **пурпурного**, **оранжевого** и **красного** цветов. **Голубой** цвет, между тем, считается безопасным и вполне приемлемым [7, с. 104].

С **белым** цветом в англоязычных странах связано также множество лингвокультурных понятий. Например, **white wedding** – это традиционная свадьба в церкви с соблюдением всех обычаев. Или **white tie** – это традиционно белый фракный галстук, поэтому если в английском приглашении стоит пометка «W.T.», это значит, что мужчинам нужно быть во фраках, а женщинам – в вечерних туалетах [8, с. 15-17].

Красный цвет в английском языке – символ агрессивности. Примеры – **a red rag to a bull** (как красная тряпка для быка), т.е. что-либо раздражающее, вызывающее злость, или **to see red** (разозлиться). **Красный** цвет может также означать что-то опасное или запретное, – например, **red alert** (красный предупреждающий сигнал) или **red card** (карточка дисквалификации игрока с запретом на участие в играх) [9]. Кроме того, **красный** цвет может означать второсортность, второзрядность. Так, **redbrick University** – это университет второго разряда (т.е. любой кроме Оксфордского, Кембриджского и Лондонского), **redneck** – бедный, необразованный деревенский житель, расист-южанин [8, с. 15-17].

Желтый цвет в англоязычной культуре может иметь следующие значения: быть трусливым, боязливым (**to be yellow**), быть богатым и преуспевающим (отрицательная коннотация) – **yellow jacket**, означать предупреждение – **yellow card** (карточка, выданная игроку, нарушившему правила, в качестве предупреждения), символизировать надежду и вечную память – **yellow gibbon** (лента, которую вешают на дерево в память о тех, кто покинул этот мир) [9].

Зеленый цвет тоже заключает в себе некоторые национально-культурные значения. Например, **green** в контексте англоязычной культуры символизирует какое-либо плохое чувство. Например, словосочетание **green-eyed monster** имеет иронический оттенок и означает «ревность». А «**to be green with envy**» значит позеленеть от зависти. **Green** обозначает также молодость и недостаток опыта (**he's green** – он еще новичок в этом деле, у него мало опыта). Кроме того, **зеленый** традиционно является цветом защитников природы, борцов за экологию (например, общество «Green peace») [9].

Что касается синего цвета, то в английском языке существует несколько выражений со словом **blue**, которые имеют отрицательный смысл. Например, **to be in the blue** 'грустить, быть в подавленном состоянии'; **came out of the blue** 'как гром среди ясного неба'. Америка подарила миру самое печальное направление в музыке – **blues**; блюз – не что иное, как грусть доброго человека [10, с. 36-37].

Обращаясь к китайской культуре, следует отметить, что между народами Китая и других стран есть немало важных отличий, которые создают определенные трудности для перевода. Например, обозначение цветовой гаммы в китайском языке не совпадает с принятым в русском языке.

В известном изречении Сюньцзы (荀子) 青出于蓝而胜于蓝 *цин чу юй лань эр шэн юй лань* использованы два названия цвета: 青 *цин* и 藍 *лань*. Во втором томе «Древнекитайской философии» эта фраза переведена так: «Вот синяя краска: получают ее из травы индиго, но синий цвет темнее, чем [цвет травы] индиго» [11, с. 142]. В другом словаре [12] дан следующий перевод: «Синее рождается из голубого, но гораздо гуще последнего». В третьем варианте перевода это звучит так: «Синюю краску получают из индиго, но она синее, чем индиго» (или, иными словами, «Ученик превзошел своего учителя») [13, с. 28]. То есть эквивалентом 青 *цин* во всех случаях является «синий».

Но на самом деле это слово передает гораздо больше оттенков цвета: в «Большом китайско-русском словаре» ему соответствуют «темно-голубой, ярко-синий; ярко-зеленый, черный, темный» [12]. Поэтому во многих сочетаниях это слово переводится по-разному: 青菜 *цинсай* «свежие (зеленые) овощи», 青天 *цинтянь* «синее небо», 青既非绿又非蓝 *цин дзи фэй луй ю фэй лань* «цвет *цин* – это и не зеленый, и не голубой», 青红皂白 *цин хун цзао бай* – «синее и красное (или) черное и белое (как яркие противоположности), 不分青红皂白 *бу фэн цин хун цзао бай* – «не разбираться в существе вопроса; без разбора; огулом», 青堂堂 *цинтантан* – «ярко-зеленый»; 青绿山水 *цинлюй шаньшуй* – «темно-зеленые пейзажи» (жанр и манера живописи).

Сложно передать значение 青 *цин* в сочетании с другим цветом. Например, при описании Кун Ицзи в оригинале сказано: 他身材很高; 青白脸色, 皱纹间时常夹些伤痕;

Один и тот же переводчик, Н.Т. Федоренко, перевел это предложение по-разному: в сборнике «Клич» (1950 г.) – «Он был очень высок, у него было бледное лицо, морщинистый лоб, покрытый рубцами и царапинами, и неопрятная седая бородка», а в «Избранных произведениях Лу Синя» (1981 г.) – «Это был человек высокого роста,

с всклокоченной седоватой бородой и иссиня-белым морщинистым лицом, покрытым рубцами». То есть слово 青白 *цинбай* передано двумя разными эквивалентами: «бледный» и «иссиня-белый», что заставляет задуматься, каким же был этот цвет на самом деле.

Еще большую трудность для перевода создают различные ассоциации, которые существуют у разных народов относительно того или иного цвета. Для носителей китайского языка красный цвет – символ счастья, удачи, расцвета, дыхания весны. А для людей, родным языком которых является английский, эти качества ассоциируются с зеленым и золотистым цветом, тогда как красный цвет служит сигналом опасности и крайней степени чего-либо. Именно исходя из этих соображений, для перевода названия классического романа *红楼梦 хунпюэман* «Сон в красном тереме» во избежание неприятных ассоциаций был взят другой вариант, не связанный с обозначением цвета: *The story of the stone* «Надписи на камне» (石头记) и *хун юань* «веселый красный дворик» передано как «зеленый дворик» [11, с. 16].

Китайские слова с компонентом 红 переводятся на русский язык по-разному: 红茶 *хунча* «черный чай», 红糖 *хунтан* «желтый сахар», 红军 *хунцзюнь* «Красная Армия». Выражение 戴红帽子 *дай хунмаоцзы* – «носить красную шапочку» – означает принадлежность к компартии и обладание почетным званием. В начальный период политики реформ и открытости собственность предприятий не была гарантирована от произвола чиновников, 所以才出现了争戴 «红帽子» 的现象 *сои цап чу-сяньла чжэн дай хунмаоцзы дэ сяньсян* «Поэтому возникла ситуация, когда все наперебой стремились «надеть красную шапочку» (то есть хотели иметь отношение к компартии) [13, с. 62].

В китайской культуре красный цвет символизирует также радостное и торжественное. Например, церемония открытия выставки начинается с разрезания ножницами красной ленточки у входа; на свадьбе и на встрече Нового года по лунному календарю (он обычно приходится на январь – февраль) женщины одеваются в красные одежды, несут красные цветы, зажигают красные свечи, расклеивают красные парные надписи с благопожеланиями. Иероглифы *си* и *фу* со значением «счастье» также, как правило, – красного цвета. В качестве подарка на свадьбу преподносят деньги в красном конверте или красном мешочке. Свадьбу называют «красным/радостным событием», празднование юбилеев долголетия также проходит часто с применением красного цвета. «Красный» (*хун*) выступает как компонент сложных слов, имеющих значение «счастливый», «выдающийся», «пользующийся успехом»; *хунюнь* (红运) «большое везение», *хунжэнь* (红人) «фаворит», «фаворитка», «любимчик», *хунбан* (红板) «красная доска, доска почета». Красный цвет является символом древнего Китая, поэтому наличие его на многих надписях как бы символизирует связь с традицией.

В настоящее время в китайском языке красный цвет ассоциируется также с революционным, передовым, торжественным, почетным, праздничным: *хунсэ чжэнцюань* (红色政权) «власть красных», «революционная власть», *хунлинцзинь* (红领巾) «пионерский (красный) галстук», *хунцзюнь* (红军) «Красная Армия», *хунсин* (红星) красная пятиконечная звезда.

В старину визитные карточки были красного цвета, на провинциальных экзаменах список первых кандидатов назывался красным списком (*хуншу*) (红数). В канун Нового года детям дарят деньги в красном конверте, так называемые поздравительные деньги.

Поскольку «красный» в китайском языке всегда имело значение «лучший», то «ходовой товар» назывался крас-

ным товаром (*хунхо*) (红货). Красное как «положительное», «правое», противопоставлялось черному как «отрицательному, виноватому». Так, *хэйхо* (黑货) «черный товар» имеет значение «контрабандный товар», «контрабанда»; *хэйцянь* (黑钱) «черные деньги», т.е. «темные деньги», «взятка»; *хэйши* (黑市) «черный рынок», *хэйшоудан* (黑手堂) «мафия». [14, с. 73-75].

Восприятие цвета на Западе и на Востоке различается и в отношении цвета кожи. Европейцы считают, что смуглый или бронзовый оттенок кожи говорит о красоте и здоровье ее обладателя, а китайцы, наоборот, красивым считают белый цвет кожи, поэтому летом женщины прикрываются от загара зонтиками и шляпками. И если европеец с похвалой скажет: *You look darker after the holidays* «После отпуска ты выглядишь еще более загорелым» (т.е. «еще более здоровым»), то китаец эту фразу воспримет как оскорбление – *黑得多了, 像个乡巴佬* «почернел, как деревенщина» [13, с. 24].

В течение многих столетий любимым цветом китайцев был желтый, они предпочитали его другим цветам. Это было связано с тем, что они считаются представителями желтой расы, потомками Желтого императора (Хуанди). Императорские одежды – желтые, поэтому желтый цвет в Китае был символом всего драгоценного, благородного. В глазах китайцев желтый цвет символизирует богатство и власть. А для русских людей желтый цвет означает горе, тоску, нездоровый цвет лица и даже нездоровую психику («желтый дом»). Кроме того, для любовных отношений желтый цвет означает измену [15, с. 47].

Привычки и традиции китайцев тоже меняются с течением времени, особенно в городах. Сегодня желтый цвет уже не считается таким торжественным и самым любимым как прежде, не всегда имеет положительный смысл, часто связывается с неудачей, – например, если какое-либо дело потерпело неудачу, говорят, что оно *黄了 хуанлэ* «пожелтело». В Китае не принято дарить желтые цветы – их приносят на похороны или тяжелобольным [14, с. 76-78].

Другие цвета также вызывают различные ассоциации у представителей разных культур. Английское слово *blue* в переводе на китайский язык может, в зависимости от контекста, передаваться словами 青色, *цинсэ* «синий», 绿色, *люйсэ* «зеленый», 黄色 *хуансэ* «желтый», 紫色 *цзысэ* «фиолетовый», например, *blue film* – 黄色电影 «порнографический (желтый) фильм», *yellow press* – 黄色报刊 «желтая пресса», *he has beaten black and blue* – 他被打得青一块, 紫一块 «Он был избит до синяков; на нем живого места не осталось».

Английскому слову *green* «зеленый» в предложении «*he is green with jealousy*» в китайской культуре соответствует красный цвет. Например, 他患了 «红眼病» *хуняньбин* «Он страдает завистливостью» (или, как принято говорить в Китае, «болезнью «красных глаз»») [13, с. 60].

Если в русском языке зеленый цвет имеет положительную окраску (бодрость, энергия, сила, надежда), то в китайском языке этот цвет, наоборот, выражает негативные эмоции, – например, 脸都绿了 *лянь доу люйлэ* «лицо очень некрасивое», 戴绿帽 *дай люймао* («носить зеленую шляпу) носить рога». Поскольку в глазах китайцев зеленая шляпа в последнем значении – это очень неприятная вещь, то в магазинах можно найти шляпы любых цветов, кроме зеленого, ибо такую шляпу вряд ли кто-нибудь когда-либо купит и будет носить [15, с. 48].

Если для европейца *white wine* – «белое вино» – означает легкий виноградный напиток, то для китайцев 白酒 *байцзю* – это очень крепкая водка типа 白干儿 *байпар*, «гаоляновая водка», или 茅台 *маотай* «маотай», один из лучших сортов китайской водки [13, с. 61]. Невесту европейцы одевают в белый свадебный наряд, а китайцы – в красный, потому что для них – это цвет счастья.

Кстати, белый цвет в Китае символизирует смерть и

все, что с ней связано, в отличие от Европы, где этим символом является черный цвет, например, в сочетании 红白喜事 *хун бай си ши* «свадьба и похороны». Раньше в Китае во время траурных церемоний носили белые одежды, ибо белый цвет обычно ассоциируется со смертью. Именно поэтому существует традиция не давать людям, которым уже за семьдесят лет, соевый творог «доуфу» – одно из традиционных и любимых китайцами блюд, поскольку это блюдо белого цвета [15, с. 48]. По этой же причине не рекомендуется обертывать подарки в белую бумагу. В настоящее время во время траурных церемоний в городах уже не носят белые одежды (а только в деревнях), их заменяют белыми повязками на голове. В знак траура носят черные повязки на рукаве одежды: на левом – когда умер мужчина, на правом – когда умерла женщина. В случае одновременной смерти нескольких человек черную повязку носят на левом рукаве [14, с. 78-79].

Помимо всего перечисленного, существует еще особенность определения сторон горизонта, связанная с цветообозначением. Она четко выявляется в китайской географии, где черный цвет (хэй黑) соответствует северу, красный (хун红) – югу, белый (бай白) – западу, зеленый, лазурный (люй绿) – востоку [16, с. 60].

Подводя итог, следует отметить, что изучающий иностранный язык не всегда осознает национальное своеобразие цветообозначений. Он склонен приписывать им феномены, относящиеся к его собственной культуре и языку, поскольку большинство цветообозначений имеет словарные соответствия в другом языке. Но каждое из этих колоронимов вызывает у представителей соответствующих культур определенные, достаточно стабильные ассоциации. Учитывая текстообразующую роль ассоциаций, их место в процессах речевосприятия и речепроизводства, можно предположить, что если человек, изучающий иностранный язык, не усвоит таких социально-значимых «отдельностей», не овладеет правилами интерпретации смыслов, традиционно функционирующих в осваиваемой локальной культуре, это может привести к сбоям в комму-

никации. Такой человек, скорее всего, частично или полностью не поймет текста, относящегося к другой культуре, вследствие реализации в тексте иных, непривычных для него правил. Овладение системой таких правил, включая национальные особенности цветообозначений, – необходимая предпосылка формирования культурно-эстетического двуязычия, т.е. «навыков оптимального адекватного восприятия опорных словесно-художественных структур текстов двух вербальных культур» [5, с. 51]. Практическое значение этих изысканий, ведущих к новому знанию и пониманию культуры и особенностей языка разных этносов, заключается в создании оптимальных условий для контактов и подлинного диалога культур в самых разных сферах.

1. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996.
2. Вендина Т. И. Языковое сознание и методы его исследования // Вестник МГУ. Сер. 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 1999. – № 4. – С. 15-32.
3. Парандовский Я. Алхимия слова. Петрарка. Король жизни / пер. с польского. – М.: Правда, 1990. – С. 34.
4. Велбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 245.
5. Этнопсихоллингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Н. Крюков и др. – М.: Наука, 1988. – С. 51-53.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. – М.: Слово, 2000. – С. 186-189.
7. Куценко А. В. Love and marriage: Устные темы по англ. яз. // Wedding superstitions. – М., 2001. – С. 104.
8. I. Gubbenet, Cherezova. Sociolinguistics of color terms, – М., 2002. – С. 15-17
9. Macmillan English Dictionary//электрон. словарь, 2002.
10. Васильев А.Л., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Каталог названий цвета в русском языке. – М.: 2002. – С. 36-37.
11. Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1978. – Т. 28. – С. 142, 441.
12. Большой китайско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1999. – 870 с.
13. Щичко. Теория перевода. – М.: МГУ, 1998. – С. 60-62.
14. Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. – М.: Институт философии РАН, 2000. – С. 73-79.
15. Кречетова В.С. Особенности работы с китайским языком. – М.: 2002. – С. 47-48.
16. Мурзаев Э.М. Топонимика и география. – М.: Наука, 1995. – С. 60.

О.А. Немилостивная

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ (на материале французского языка)

This article deals with the problem of phraseological units structure and their functional characteristics in contemporary French.

Фразеологические исследования – объект внимания многих современных лингвистов: Н.Н. Амосовой, О.С. Ахмановой, В.Г. Гака, А.В. Кунина, З.Н. Левит, А.Г. Назаряна, Г.Г. Соколовой и др. Особый интерес к проблеме фразеологизации объясняется тем, что подлинное владение языком подразумевает умение говорить, передавать свою мысль так, как это делают естественные носители языка.

Стилистическая функция фразеологических единиц (ФЕ) проявляется в двух основных свойствах – их принадлежности к определенному слою речи и их экспрессивно-эмоционально-оценочной окраске.

ФЕ с компонентом антропонимом (далее ФЕА) французского языка в зависимости от сферы их употребления могут относиться к различным стилям речи, что позволяет выделить следующие стилистические категории этих единиц.

1. Нейтральные или нейтрально-литературные фразеологизмы. Сфера их применения очень широка, они встречаются во всех функциональных стилях – обиходно-бытовом, художественном (чаще в авторской речи), публицистическом, научном и т.д. Нейтральные ФЕ, подобно словам, служат основой стилистической дифференциации фразеологизмов других речевых стилей, поэтому в словарях они приводятся без помет:

sentir son enfant de bonne maison – быть хорошо воспитанным;

enfant du siècle – дитя века, дитя своего времени;

homme de bel air – человек с хорошими манерами.

2. Разговорно-фамильярные фразеологизмы, употребляющиеся преимущественно в разговорной речи (диалоге). Фразеологизмы этой категории по сравнению со стилистически-нейтральными отличаются большей выразительностью. В словарях они сопровождаются пометкой *fam.* (= *familier*):

femme du métier – распутная женщина;

je tiens mon homme – попался голубчик;

femme bien chaussée – элегантная женщина.

3. Просторечные фразеологизмы, употребляющиеся преимущественно в разговорной речи. Они, как и разговорно-фамильярные ФЕА, обладают повышенной стилистической окраской и экспрессией. Их употребление предполагает особо близкие и интимные отношения между говорящими. Они содержат слова, относящиеся к